

М.М. РЕШЕТНИКОВ

доктор психологических наук, профессор
Восточно-Европейский Институт Психоанализа
г. Санкт-Петербург

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

M.M. Reshetnikov

Social therapy, level and quality of life in modern Russia

Аннотация: Социальная терапия: понятие, история исследования, примеры. Социальная терапия всегда была ориентирована на широкие массы, а если выразиться точнее - на малообразованные, маргинальные и нестабильные группы населения, и в первую очередь - на под-растающее поколение. Потребности личности. Понятием "качество жизни" обычно объединяют показатели внутренних (душевных) ощущений благополучия и психологического состояния граждан. Неравенство доходов, при достижении определенного уровня может создавать угрозы для политической и экономической стабильности государства.

Ключевые слова: социальная терапия, уровень жизни, качество жизни, потребности личности.

Summary: Social therapy: concept, research history, examples. Social therapy has always been focused on broad masses and if to be expressed more precisely - on having little education, marginal and actable groups of population, and first of all - on rising generation. Requirements of the person. Concept "quality of a life" is united usually by indicators of internal (sincere) sensations of well-being and a psychological condition of citizens. The inequality of incomes, at achievement certain level can create threats for political and economic stability of the state.

Keywords: social therapy, standard of living, quality of life, requirement of the person.

1. Социальная терапия

Понятием «социальная терапия» обычно объединяются методы воздействия на социальное поведение граждан в интересах решения тех или иных общенациональных задач или предотвращения тех или иных негативных ситуаций и возможных последствий непопулярных решений

Вопрос о том: «Как должна строиться социальная терапия?» – неоднократно обсуждался в последние годы, но особенно активно в последние месяцы, когда правящая и партийная элита, а также журналистское сообщество занялись поиском более эффективных коммуникаций и способов поддержания социальной стабильности в условиях мирового кризиса. Этой проблеме был посвящен Всероссийский форум журналистов, который проходил в Петербурге в феврале-марте 2009 года, но каких-либо кардинальных решений проблемы найдено не было. Представители «Единой России» сообщили о создании антикризисного штаба пар-

тии, и одновременно констатировали, что специалисты по связям с общественностью сегодня не востребованы. В конечном итоге форум сделал лишь один - не слишком прагматичный - вывод, что PR-специалисты должны осознавать опасность дестабилизации общества и избегать нагнетания социальных конфликтов, то есть: максимально сглаживать и дозировать негативную информацию, что, в целом, при отсутствии адекватной оценки проблемы, вполне логично.

Современное понятие «социальной терапии» возникло в 50-х годах XX века в Великобритании, и вначале было связано почти исключительно с социальной адаптацией инвалидов и детей, страдающих задержкой развития. Однако существуют более ранние и гораздо более значимые исторические аналоги. Социальная терапия всегда была ориентирована на широкие массы, а если выразиться точнее – на малообразованные,

маргинальные¹ и нестабильные группы населения, и в первую очередь – на подрастающее поколение. Когда в XIX веке в Германии было введено всеобщее начальное образование, оказалось, что далеко не все дети способны его освоить. Значительная часть таких детей отчислялась из народных школ и, оказавшись предоставленной улице, быстро пополняла ряды асоциальных и преступных элементов. Поэтому оказание помощи этим группам населения начинает рассматриваться не как проявление гуманности, а как социальная необходимость – как способ предотвращения исходящей от них общественной опасности. *Основным способом решения этой проблемы стало воспитание, основанное не на школьных знаниях, а на идеях нравственности с опорой на раннюю социализацию таких детей с привлечением их к общественно значимому труду (естественно, с учетом их возможностей).* Таким образом, вместо того, чтобы на протяжении еще ряда лет находиться в униженном положении вечных двоечников, копить ненависть и агрессию к учителям и более успешным одноклассникам, такие дети и подростки рано входили во взрослую жизнь, начинали зарабатывать, и чувствовать даже некоторое превосходство над своими сверстниками.

Гораздо позднее понятие социальной терапии стало употребляться применительно ко всему социуму, при этом было установлено и затем многократно подтверждено практикой, что, хотя социальная терапия направлена на урегулирование негативных чувств, мыслей и отношений личности или тех или иных социальных или национальных групп, ее первоочередной задачей является наполнение жизни людей смыслами. Вторая составляющая, на первый взгляд, не столь очевидна – формирование социальных образцов нравственного поведения.

Любой народ с точки зрения социологии – это, прежде всего, та или иная совокупность людей, рассматриваемая с точки зрения их социальной общности. На чем основывается эта общность? На общности языка, культуры, истории, территории, религии, традиций и обычаев, но в такой же степени – на общности целей, задач, смыслов жизни и представлений о настоящем и будущем. Подчеркнем – общности, признаваемой всеми социальными группами, независимо от их национальности, вероисповедания, социального, материального и всех прочих статусов. Необходимость всеобщего признания таких представлений о настоящем и

¹ Маргинальная группа — группа, находящаяся на границе различных социальных групп, систем или культур, и испытывающая влияние противоречащих друг другу норм, ценностей, идеалов и т. д.

будущем неизмеримо возрастает, если хотя бы по одному из упомянутых параметров в социуме имеется то или иное «рассогласование», например, по языку или традиции, по оценке тех или иных исторических событий и т.д.

Несколько лет назад группой петербургских ученых была инициирована дискуссия по вопросу: откуда они берутся и что такое смыслы жизни? В итоге были сделаны весьма непростые, хотя и не такие уж впечатляющие выводы. Во-первых, специалисты сошлись во мнении, что смыслы в большинстве случаев (для большей части людей) не находятся (самостоятельно), а привносятся кем-то; применительно к большим социальным группам – обычно – выдающимися мыслителями. Во-вторых, *смысл появляется только тогда, когда в его основе лежит некая благая цель, которая выходит далеко за рамки повседневного существования конкретного человека* (или даже конкретного народа) и объединяет личность с той или иной референтной группой или большими массами других людей на основе единства высоких идей и идеалов. При этом последние всегда носят нематериальный характер и символизируют наступление той или иной новой эпохи. В этом случае собственные проблемы, обиды, утраты и конфликты конкретного человека теряют свою остроту и значимость, и оцениваются с точки зрения его вовлеченности в решение тех или иных общих (общенациональных, общенародных или даже – общечеловеческих) ситуационных или эпохальных задач. Подчеркнем, что понятие «благая» чаще всего соотносится не с благосостоянием, а с некими нематериальными факторами, при этом – неважно, является ли эта цель реальной или иллюзорной: важно лишь ее общественное звучание и резонанс в чувствах социума.

Можно привести несколько (принципиально отличающихся) исторических примеров таких объединяющих и вдохновляющих массы идей. Например, идей демократии – «свободы, равенства и братства»; коммунистических идей – об исторической роли пролетариата, как самого передового класса; фашистских идей – о превосходстве германской расы и т.д. Еще раз обратим внимание, что не так уж существенно – насколько реальны, порочны или бесконечно иллюзорны эти идеи, включая не имевшую никаких исторических перспектив идею «свободы, равенства и братства». Важно лишь то, что они обладают некой особой энергетикой, заразительностью, и апеллируют к базисным потребностям личности.

Каковы эти базисные потребности? Большинство из них являются общими для всех живых существ – в

пище, воде, среде обитания, территории, продолжении рода, безопасности. Но в человеческом сообществе появляются некоторые дополнительные, не имеющие прямых аналогов в животном сообществе, в частности – в самоуважении, в признании, в торжестве справедливости, а также – в достатке, любви и счастье, и в уже неоднократно упомянутом – смысле жизни. В последние десятилетия в этот список обычно вносят «потребность в информации».

С точки зрения социальной терапии, не так уж существенно: будут ли удовлетворены эти базисные потребности или имеется лишь вероятность, или – лишь декларируется возможность их удовлетворения. Люди нуждаются в вере и иллюзиях, и ничто не травмирует их психику больше, чем лишение этих двух аспектов типичного мироощущения. При этом достаточно хорошо известно, что чем больше у конкретного человека (или группы людей) сомнений в верности тех или иных идей и иллюзий, тем больше усилий прилагается для их поддержания. Этот феномен существует как на уровне индивидуального, так и коллективного сознания.

Приведем конкретные примеры. Мы долго убеждали себя, а многие искренне верили, что «вдохновитель и организатор всех наших побед» – партия все предвидит и все решит; затем столь же слепо уповали на то, что «свободный рынок все отрегулирует», пока не столкнулись с кризисом. Такими примерами наполнена вся мировая история.

Мы никогда не знаем будущего, поэтому в этой сфере всегда существовали, и будут существовать те или иные варианты мифотворчества. Одним из таких вариантов мифотворчества было коммунистическое общество, другим – новым вариантом «светлого будущего» – стало общество потребления, где в качестве ведущих факторов развития утвердились почти исключительно экономические показатели. Однако все люди живут вначале в духовном мире, а уже затем – в некоем экономическом пространстве. И главное, как свидетельствует вся история Человечества, состоит в том: какие идеи, какие нравственные императивы и общественные идеалы предлагаются той или иной футурологической моделью. Эти идеи могут реализоваться или нет, как это было с революционным призывом молодой демократии к свободе, равенству и братству, или с не менее революционными коммунистическими лозунгами, или лозунгами начального периода современных российских реформ. Но именно эти образы будущего придают народу нравственные силы и чувство достоинства, формируют социальную терпимость и даже жертвенность во имя – пусть и неизвестного, но

предположительно – более счастливого и более справедливого грядущего.

Можно положить всю жизнь на достижение достатка и материального или социального благополучия. Но жертвовать собой можно только за идею, которая этого стоит. За последние десятилетия у нас сформировалось предельно негативное отношение к самому понятию «идеология», но любая идеология – это лишь некое политическое обрамление вечных нравственных идей с учетом национальной и исторической специфики. Современному обществу не хватает именно нравственных ориентиров. Они вообще не провозглашены.

Особо следует отметить: если официальная государственная доктрина не предлагает таких идей, то в обществе начинает разрастаться «автономное мифотворчество», в первую очередь – на основе национальных, религиозных и классовых противоречий. То, что мы наблюдаем в современной России.

Имперские идеологии всегда пытались консолидировать нации и народы на основе мощной государственности, исторических побед и традиций. Эпохальные перемены требуют качественно иного подхода. А именно – консолидации на основе некой (понятной широким массам) футурологической модели, не отрицающей прошлое, но при этом – обращенной в будущее, и обрамленной нравственными, а не экономическими идеями; что не менее существенно – идеями предельно ясно сформулированными, провозглашенными на самом высоком уровне и общественно признанными в качестве достойных и подлежащих реализации. Пока этого не произошло. И пока эта ключевая проблема не будет решена, ответить на вопрос: как должна строиться социальная терапия – нереально.

Попытаемся определить главный негативный фактор современной действительности: почти полностью утрачена система кооперативных связей между государством, его высшими институтами и широкими массами, которая лишь отчасти компенсируется непосредственной апелляцией к народу и харизмой первых лиц государства. Государству не доверяют, не сочувствуют и не понимают происходящего. Ему адресуют только все новые и новые требования заботы и чувство недовольства.

Одна из непреложных и пока не получивших адекватной оценки истин заключается в том, что без социальных образцов высокого и бескорыстного служения народу, в первую очередь – со стороны элиты общества, любые благостные разговоры о социальной политике ни к чему не приведут. Эта первостепенная роль государственной элиты почти полностью утрачена, а

вместе с ней - и понимание того: какое общество мы строим, куда и зачем идем? Как констатировал недавно один мой коллега: «Одни будут продолжать наживать-ся, другие – будут копить недовольство всем, что происходит, а третьи – изыскивать дополнительные средства из бюджета, чтобы хоть как-то это недовольство снизить. Но однажды все это взорвется». Мы почему-то боимся обсуждать эту тему даже на уровне экспертного сообщества. И именно поэтому специалисты по социальной терапии не востребованы – у них нет содержательного базиса для работы. Также как нет ничего удивительного в том, что День национального единства, как символ единства элиты и граждан, не стал всенародным праздником. Современная элита и граждане – живут в двух разных измерениях. Общество не просто расколото – значительная его часть чувствует себя подавленной и даже униженной, а возрождаться можно только гордо. Поэтому наряду с поставленными высшим руководством страны задачами модернизации экономики, не менее актуальными являются задачи «модернизации» национального духа россиян. Кризис, безусловно, когда-то закончится, но исторически значимое преодоление этого периода – без пересмотра ключевых положений социальной политики, восстановления роли национальной элиты, социального партнерства и принципов нравственной регуляции в российском обществе – нереально.

2. Качество жизни

Понятием «качество жизни» (в отличие от «уровня жизни», как аналога материального благосостояния) обычно объединяют показатели внутренних (душевных) ощущений благополучия и психологического состояния граждан. Высокое качество жизни характеризуется отсутствием серьезных психологических проблем, озабоченности своим настоящим и будущим, свободой от психологических стрессов повседневной жизни, наличием широких возможностей для развития, повышения уровня образования и культуры, доступностью информации, развитым чувством собственного достоинства личности и адекватностью социальной действительности преобладающим в обществе представлениям о справедливости и нравственности.

Отметим, что практически все эти факторы относятся к нематериальным аспектам человеческого существования. Более того, как было установлено еще в XIX веке, по мере повышения уровня жизни населения, значимость этих факторов постоянно увеличивается. В частности, уместно упомянуть несколько положений Закона Эрнста Энгеля (1821-1896): по мере роста лич-

ных доходов граждан удельный вес расходов на продукты питания снижается, доля расходов на одежду и обувь, а также жилье и коммунальные услуги меняется незначительно, а доля расходов на удовлетворение культурных и иных нематериальных потребностей последовательно растет.

Применительно к современной российской действительности и условиям кризиса уместен вопрос: можно ли вообще говорить о качестве жизни, когда основная часть доходов более чем 50% населения поглощается затратами на питание и коммунальные услуги? Скорее, стоило бы констатировать, что постановка вопроса о качестве жизни вряд ли своевременна. Но это было бы грубой ошибкой. И совершенно не учитывало бы то, что *уровень жизни, в свою очередь, является производным от качества жизни*, что, к сожалению, мало осознается в стратегическом планировании развития страны, осуществляемом преимущественно на платформе экономизма.

В первом разделе уже говорилось о смыслах жизни, которые остаются неопределенными для большей части российского социума. С этой же проблемой в значительной степени связана другая острейшая проблема – не подкрепленное той или иной объяснительной системой неравенство благосостояния граждан и порождаемое этим неравенством социальное расслоение и рост социальной напряженности в обществе. Расслоение граждан по уровню жизни в любом обществе неизбежно, и в первую очередь зависит от их личных качеств, таких как интеллект, склонность к обучению, любовь к труду, выносливость, предприимчивость, интуиция, организаторские и лидерские способности, ориентация на достижения и т.д. Такие качества, в том числе – передаваемые по наследству и перенимаемые в процессе воспитания («социальное наследование») способствуют тому, что в течение того или иного исторического периода (как правило, столетий) в обществе складывается расслоение на основе постепенно приобретаемой и принадлежащей тем или иным семьям собственности на средства производства. Так традиционно (в процессе напряженного труда нескольких поколений) формировалась экономическая элита современного мира, что не менее существенно - на основе гласного или негласного признания первостепенной важности упомянутых выше личных качеств и обоснованного уважения к личным достижениям и частной собственности преуспевающих граждан. Это описание можно было бы обозначить как естественный путь развития.

Вряд ли уместно приводить данные о том, как и ка-

ким образом, появилась современная российская экономическая элита, впрочем, как и обосновывать специфику ее качеств, включая моральные и нравственные, для формирования которых не было соответствующих условий. Но, безусловно, следует констатировать, что в основной массе она вообще не признается в качестве таковой. Попытка навязать населению страны миф о том, что «первый миллион – всегда криминальный», не подтверждается появлением к концу 90-х годов XX века миллионеров из числа так называемых «черных воротничков», реально заработавших и скопивших эту сумму в полном смысле слова: «копейка к копейке». Здесь можно сформулировать еще один социальный закон: в обществе всегда имеются те или иные представления о возможностях формирования и скорости прироста честно нажитого капитала, и эти представления в значительной степени определяют уровень социальной стабильности в обществе.

Эти идеи, в той или иной мере, уже в начале XX века хорошо осознавались в западном мире (скорее всего, не без известных внешних «стимулов» в форме пролетарских переворотов в ряде стран). В частности, было объективно установлено, что *неравенство доходов, при достижении определенного уровня может создавать угрозы для политической и экономической стабильности государства*. Поэтому, в большинстве цивилизованных стран уже давно предпринимаются особые (как правило, законодательные) меры государственной политики для ограничений разрыва в доходах различных групп населения.

Известно, что если на долю 40 % населения приходится менее 13 % общей суммы доходов страны, это приводит к последовательному росту общественного недовольства и чревато социально-экономическими и политическими потрясениями. Известны и основные инструменты государственного регулирования различий в доходах и их перераспределения, в частности: прогрессивное налогообложение, налоги на имущество, предметы роскоши и наследство, а также система социальных выплат. В России пока относительно устойчиво работает только последний фактор.

Для количественной характеристики расслоения населения по уровню доходов обычно используется экономический Закон Лоренца (1876-1959), впервые опубликованный в 1905 году. Этот закон основывается на сравнении, как правило, 20% самых бедных и 20% самых богатых семей конкретной страны, а также на отличиях распределения доходов от нормального (статистического) распределения².

Хотя закон носит, казалось бы, сугубо экономический характер, он имеет самое прямое отношение к психологии промышленной производительности и мотивации к труду. *Если в стране, независимо от личного вклада в общественное благосостояние, существует приблизительное равенство доходов, у граждан практически полностью утрачиваются стимулы к высокопроизводительному труду (что мы имели в советский период). Но применительно к современному периоду не менее существенно, что и при резкой дифференциации доходов граждан происходит то же самое*. Точных данных, что традиционно для российской статистики, нет, а по экспертным оценкам разрыв в доходах между 20% самых бедных и 20% самых богатых в современной России составляет, как минимум, 1 : 40 (в большинстве развитых стран этот коэффициент составляет 1 : 6 - 1 : 10). Учитывается ли этот фактор в планах модернизации экономики? Определенное неравенство доходов должно обязательно существовать, но уровень этого неравенства должен быть адекватным уже вскрытым экономическим законам и общественным ожиданиям социума.

Уместно еще раз вернуться к главному вопросу, лишь обозначенному в первой части: какое общество мы строим, к чему идем? Но вначале нужно ответить на ряд других вопросов, так и оставшихся без ответа: что было плохо, а что хорошо в нашем недавнем советском прошлом? От какого наследия этого прошлого мы отказываемся, а что стоило бы или обязаны сохранить? *Качество жизни в советской период в целом было не ниже, чем в ведущих западных странах, хотя уровень жизни в СССР был, как минимум, вдвое ниже*.

Существуют достаточно точные социальные критерии измерения качества жизни населения - это данные официальной статистики о социальных аномалиях: убийствах, грабежах, случаях хулиганства и тяжких телесных повреждений, оставленных без попечения родителях и брошенных детях, количестве осужденных, алкоголиков и наркоманов, уровне безработицы и т.д. Эти данные доступны и не составит большого труда сделать их анализ за последние 20 лет – в целом, все эти показатели ухудшились, какие-то в 2, а какие и в 8 раз. Так и должно быть или, все-таки, стоит задуматься о верности избранного направления и способов реализации реформ?

Кроме упомянутых выше, имеется множество до-

это снижает достоверность данных. А когда начинают сравнивать «абсолютно бедных» и «относительно бедных», отмечая некую позитивную динамику, что сейчас получило определенное распространение, это имеет объяснение, но далекое от науки.

2 Иногда считают только по 10% с каждой «стороны», но

полнительных индикаторов качества жизни. Часть из них, безусловно, учитывается в государственной политике. В частности, следует упомянуть здоровье населения, демографические показатели, а также меры, направленные на удовлетворенность населения материальными условиями жизни (достаток, жилье, питание, работа). Но не менее важными являются такие показатели, как удовлетворенность положением дел в государстве и уверенность в адекватности перспективной государственной политики, осуществляемой в интересах обеспечения социальной справедливости, безопасности и свободного развития граждан. Что не менее существенно, политики официально провозгла-

шенной и разделяемой гражданами. Социологические опросы и статистика дают лишь косвенные характеристики того, что в целом именуется духовным состоянием общества, и скорее отражают следствия его негативной или позитивной динамики, качественный перелом в которой всегда возможен. Именно от уровня духовности зависит число и содержание творческих инициатив, масштаб и эффективность реализации инновационных проектов, появление новых открытий и изобретений, и всего, что обычно именуется поступательным общественно-экономическим развитием. Но вначале требуется нравственный прорыв в будущее.